

нюхом в колхозе. Сейчас же отец — грузчик в облторге, оторвался от деревни, и, бываешь, подвыпивши, отец плачется перед детьми: «Ради вас же, для вас жизнь свою порушил...»

И Сергей как бы впервые понимает тоску отца, тоску крестьянина-степняка, «родившегося у суслона снопов под открытым небом». И как уж он радовался, провожая сына, и просил не полениться, прописать все, как есть.

...Старик Кузьмич, который везет Сергея, жалуется ему по дороге на сына Кешку: пришел из армии и с тех пор «в оглобли бьет» — уеду в город и все. С попом подружился — иконы ему нравятся, живопись, в музеи его тянет: там, мол, «духовный интерес». Кешку, который «чисто дите, сказки любит» — «спасать» надо.

Председатель колхоза, куда приехал Сергей, объясняется с ним: «Чего же еще нам не хватает в колхозе? Все вроде есть. И земля, и скотина, и техника, и начальство, и специалисты разные. Жить бы здесь мужику, как у Христа за пазухой: сеять где что — агроном укажет, скотину как накормить — зоотехник с высшим образованием, трактор забарахлит — инженер есть, поплясать захотелось — иди в клуб, пляши, не умеешь — научат... Стало быть, все у нас есть, малости какой-то не хватает. А какой?»

Концерт, затеянный Сергеем сразу же по приезде, не состоялся — с лугов поздно приезжают доярки в летних ласерях... Уехать — первое побуждение Сергея. Но верится, что это — только первая мелькнувшая мысль, что его отношение к жизни пересилит этот порыв. Ведь Сергей детство провел в деревне, и хотя он уже «городской», как говорит Кузьмич, мы верим (писатель прилагает к этому немало усилий), что Сергей найдет выход и «спасет» Кешку, найдет так необходимый тому «духовный интерес».

Может быть, это и есть та самая «малость», о которой говорил председатель? Во всяком случае, писатель продолжает свой нравственный поиск, ведет его в единственно верном, как мне представляется, направлении, — сопоставляя и сталкивая в острых ситуациях характеры своих героев, он отдает предпочтение и симпатии тем из них, кто душой болеет за землю, тем, кто совестлив. И эта совестливость сопряжена, в понимании писателя, с доверчивым отношением к людям современного села, к их труду, заботам, к их возросшим в наше время внутренним чаяниям и духовным интересам.

На сложных путях этих поисков писатель не всегда одерживает победы. И в плане художественного «освоения» жизни еще не все его произведения равнозначны.

Не могу сказать, что писатель Анатолий Жуков безгрешен и по части литературного стиля. Есть у него в рассказах и очевидные помарки, излишняя натурализация — «прозанамы» в прозе. Есть поверхностно, вскользь зафиксированные события, лица. Анатолий Жуков отзывчив на жизнь, но слишком иногда доверчив к жизненному материалу. Поэтому он пишет рассказ, а этот жанр ему наиболее близок, — и когда в поле его зрения

попадает материал случайный, заурядный. Вот и получается какая-нибудь замысловатая «курортная» историчка («Необходимо для счастья»), вязь мимолетных приключений, где характеры едва пробиваются в угоду извилистому сюжету. В некоторых его рассказах можно обнаружить заданность и условность. Но эти издержки я бы отнес на счет раннего Жукова.

Не справедливее ли, право, говорить, уже «открыв» для себя писателя, о том, что долгое время не умеешь отвлечься от заметной в его лучших, характерных рассказах большой, настоящей жизни, одухотворенной доброй надеждой и неподдельной любовью к людям?

Борис АВСАРАГОВ

Решительность и прямота

Любовь Андреева. *Стриженое лето. Стихи. Челябинск. Южно-Уральское книжное издательство. 1970. 87 стр. Цена 24 коп.*

Без малого четверть века назад прославлен был этот зауральский город в прекрасном стихотворении Сергея Васильева «Прямые улицы Кургана»:

И если есть во мне хоть малость
того, что следует беречь,
так это наша власть скакала
и отложилась ваша речь.
И если просто азната
во мне, как брата, разлита,
так это ваша виновата
сквозная даль и прямота.

Наверное, рождение этих стихов совпадает по времени с рождением Любы Андреевой не совсем случайно: именно эта «сквозная даль и прямота» осветила ее первую книгу стихов. Имена Сергея Васильева, Сергея Чекмарева, Бориса Ручьева, Людмилы Татьяничевой и других славных уральцев и зауральцев поддержаны самобытной яркостью талантов Антошины Баяевой, Валентина Сорокина и Алексея Еранцева. Но их тоже «подпирает», обвязывая и торопя, молодой поэтический подлесок, и юная участница V Всесоюзного совещания молодых писателей Любовь Андреева несомненно продолжает славную традицию.

Первая книга Л. Андреевой дает основание для серьезного разговора, и, думается, автор ее не посрамит чести города Кургана.

Я пока еще мало на свете живу.
Я по жизни иду, как иду по живью.
Если кожа грубеет, то дель ото дня
К людям сердце нежнее теперь у меня.

Раздумья, сомненья, вопросы, естественные для всякой молодой души, живут и в стихах Л. Андреевой: «Почему удержалась неправда в сети рядом с чистою правдой,

Л. Андреева

плавник о плавник, если связаны петли размеров одних?», «Почему с прямой двоедушье живет?..»

Однако вопросы эти носят подчас риторический характер, да и не очень-то свойственны они лирике Л. Андреевой. Скорее, наоборот, ее героине присуще стремление ответить на них — и не словом, а делом, — присуща жажда действовать, утверждать правоту своих единомышленников, красоту своей работы. А между тем работа эта, которой посвящена большая часть книги, отнюдь не для избранных, отнюдь не заманчива, не оригинальна, не знаменита, и, может быть, кому-то совсем неинтересна, даже и неприятна... И подчеркнута будничная интонация как бы допускает именно такое толкование:

Начинается день с утра.
Начинается день с работы.
В семь часов гудят скреперы,
«МАЗы» пробуют повороты.
В семь часов я прочно сижу
В тесном кузове треской машины.
Я сижу, ни о чем не тужу.
Навалилась на стенку кабины.

Откуда же тогда сознание прочности бытия, молодое ощущение уютности походного нелегкого быта, часто суматошного, пизиурящего? Очевидны задор, и лихость, и некоторый вызов («Опять кирка, опять лопата и тачка — верная сестра...»), и в то же время никаких компромиссов, никакого снижения критериев в анализе чувств, в оценке людских взаимоотношений, поведения. Не без гордости рождается и такое сообщение: «Из нас никто на небе не был, мы больше на земле нужны». Вот это «нужны» и является одним из ключевых понятий, позволяющих нам проникнуть в душевный мир героини, познать, как в раннем трудовом опыте чернорабочей, строительницы, «работяги» обрела она силу и твердость руки, огромную веру в людей, в товарищей,

закалила волю, поняла, что сотворить красоту и радость можно только вместе и только с полной трудовой самоотдачей, выкладываясь без остатка и в дружбе так же, как в работе. Видимо, нравственный максимализм и уверенность в нужности своей работы придают легкий иронический оттенок интонации, с которой пишет Андреева о тех, кто прославляет ее товарищей:

Бетонщики и мотористы —
Строители цехов и трасс,
К нам приезжают журналисты
И пишут очерки о нас...
Да, мы ни разу не летали
На межпланетном корабле.
Мы в это время стены клали,
Носили землю по земле.

В стихотворениях «Искры земли», «Я приехала в город на попутной машине», «Парни спят, их толчки не будят» и др. Л. Андреева с подлинным лиризмом раскрывает возмужание личности. На наших глазах робкая деревенская девушка постепенно превращается в ловкую, мастеровитую, решительную, бедовую. Но и чуткую, нежную, сердечную.

Возникает и умение увидеть в окружающих интересных людей с яркими судьбами, угадать их талантливость, душевную силу. Вот стихотворение «Кочегар», в нем свежо и чисто увиден человек, когда-то, в годы войны героически сопровождавший составы под огнем...

И вот теперь, прирученный к котельной,
Он прошлым жил, расстывшим дышал.
И снова рвался к скорости предельной,
И темноту стихами раздвигал.

Рассказывая, как старый кочегар ее «стихом навывлет поразил», молодая поэтесса как бы проговаривается о собственном сокровенном желании. Но судя по лексике и образной структуре стихов Л. Андреевой, не оригинальным словом хочет она поражать, не эффектной позой, а сутью стиха, крепостью жизненной позиции. В ее интонациях явственно желание стремительно поделиться, будто выдохнуть читателю свое главное, недавно открытое, достигнутое: буквально собственным горбом. Причащаясь этому новому, «великому чувству по имени класс», радуясь праву сказать: «Я в этой реке бесконечной лишь капля...» и отлично чувствуя трудовую весомость этой капли, — Любовь Андреева умеет молодо и бескорыстно восхищаться теми, кого послала ей судьба в трудовом испытании. Вот сидят прорабы на планерке («Вечер белой пургой зашторен»). У них не равнодушный разговор, а напряженный поиск единственного и совместного решения той задачи, которая всех их потом сблизит, породнит.

И, конечно, пойдут они снова в пургу, несмотря на «усталость давнюю». Точное психологическое чутье поэтессы сказывается в стремлении избежать восклицаний, восторгов и славословий, не нужных этим измученным людям, а скупю, информационно сообщать об их привычном подвиге, как о норме поведения, как о постоянном обычае в их трудовой жизни.

Познав и равенство, и строгость уваженья, познает поэта и высшее мерило человека — по труду, по его поведению в коллективе. Внутреннюю психологическую связь отдаленнейших профессий ищет она в творческом отношении каждого к своей работе.

Проходят спокойные токарки,
Скрывая порезы в руках,
В них только что втулки токалки
Цыплицами в скорлупах.

И пусть мы шагаем в брючатах,
И пусть вперед — ералаш,
Зато город шепчет: «Девчата,
Я ваш, и пожизненно ваш».

Вот главная гордость этих людей, весьма обоснованная в их основательной жизни. Крепость ремесла уже в руках, а к ней прибавляется обаяние родственной любви ко всему, что создано бригадой. Отсюда рождается крепость их судьбы, устоев, раннее возмужание, душевная зрелость. Ею проверяются отношения в бригаде, их чистота и цельность, кристаллизуемая трудностью ремесла. Даже за простенькой зарисовкой стихотворения «Кинемеханик» где-то за кадром проглядывает все та же сердечность и щедрая радость от избытка жизненных сил, от добротности делаемой работы, от молодости, от знания своего места в жизни.

Надо сказать, что жизненная сила и добротность нравственного мира героини питаются еще и тем, что в лирическом характере явственно крепость корней, постоянство памяти, неизменная верность отчужденной земле. Не элегические воспоминания о деревенском детстве, а хорошее знание сельских забот и труда. Не метанье меж городом и селом, а умение быть полезной и там, и здесь. Доказательством тому служат стихи «Память», «Родительский дом», «Летом», «Волглые тучи сохнут валками на небе», «Ой вы, быстрые ноги стального коня», «Пусть ветер дует ставню в ухо», «Первый воз», «Сенокос», «В уборку». В последнем, сказово-напевном, особенности жанровой живописи, самобытность пейзажа вырастают как раз из органичности единения двух начал.

Композиционно стихам Л. Андреевой присущи решительные, даже дерзкие зачины, берущие тему сразу, с полного хода. Иногда озорные («Мы у жизни всегда на подхвате»), иногда нежно-веселые («Как ребенок, задремал июльский день. Ты его неосторожно не задень»), они часто тяготеют к обобщенности.

Посмотри! Открыл глаза июльский день,
И спросонья сдвинул месяц набокрень,
Танет руки из-под облачных пелен,
Он, как я,
В тебя, Земля моя, влюблен.

При этом острота крестьянского глаза, профессионализм видения постоянно сказывается в поисках образных решений, даже в каждой детали деревенского пейзажа. Таков финал характерного для Л. Андреевой стихотворения «Первый воз».

Людскою лаской обогрето,
От пыли утирая лоб,
Под гребень стриженое лето
Роняет слезы в канотоп.

И когда читаешь: «Сенокос хрустит хлебной корочкой, поливает холодный квасок» или: «Буду я родниковые росы из ромашковых блюдец пить», то еще больше веришь в добротность и надежность человека, вырастающего из этой первой книжки, в его тяготение к жизни подлинной. Еще больше убеждаешься в радостной силе, взятой у рос и ромашек, у стриженного лета, у ремесла, у дружбы в строительной бригаде. Сила эта умножена счастливой готовностью поставить «такой заробиде, что руками всплеснет народ».

Есть в первой книге Л. Андреевой и огрехи, неточности, подчас неряшливо поставлены слова; порой поэтессе изменяет слух, иногда можно встретить мнимое глубокомыслие. Но не они определяют звучание сборника, а живое, трепетное слово, мягкая песенность, внимательный, пылкий взор, неумолчно звенящий зов родной земли.

Решительность и прямота — таковы определяющие качества лирического характера, вырастающего из книги «Стриженое лето», и, думается, это важные черты поколения, которому сегодня предстоит решать и свою судьбу, и судьбу людей будущего.

И. ДЕНИСОВА

Трудная Арктика

Александр Старостин. *Немного Арктики*. М. «Молодая гвардия». 1970. 224 стр. Цена 33 коп.

Небольшая книжка составлена из произведений, жанр которых даже не обозначен на титульном листе. Да это, пожалуй, и не так просто было сделать: то, что пишет об Арктике Александр Старостин, можно назвать и рассказами, и очерками, и зарисовками. Иногда действие локализовано рамками одного произведения, иногда мы встречаемся с одними и теми же персонажами в разных произведениях сборника. Иногда автор тщательно завершает сюжет, а иногда повествование обрывается словно бы на полпути. Печатью фрагментарности отмечены страницы книги...

А вместе с тем, книга эта — удивительно цельная. Чувство чистой и глубокой гармонии рождается при чтении ее.

Здесь нет противоречия. Здесь — проявление закономерности искусства. Да, книга Старостина фрагментарна, и кое-какие из рассказов — будем все-таки придерживаться такого определения жанра, как никак, оно звучит наиболее весомо — проигрывают от этого. Но ценность книги, конечно же, определяется не внешней организацией материала, а прежде всего тем, насколько содержателю он и насколько выпукло эта содержательность проявлена автором. И вот здесь-то Александр Старостин, бесспорно, на высоте. Каждый из рассказов, составивших его книгу, несет в себе нечто существ-